

Он родился при Александре III и умер при Михаиле Горбачеве. Он прожил 96 лет – огромную жизнь, которая вынесла его из вятской глубинки к самым вершинам мировой политики и опустила в омут опалы. Не раз ему удавалось пройти по лезвию бритвы, балансируя между жизнью и смертью. Секретарь ЦК в 31 год, член Политбюро – в 36, премьер-министр Советского Союза – в сорок, он оказался одним из немногих, кто уцелел из ленинской команды.

Это – мой дед – Вячеслав Михайлович Молотов. И для меня он, в первую очередь, именно дед.

Я любила и люблю его. Как иначе относиться к человеку, который нянчил тебя на руках, открывал глаза на мир. Который учил, заботился, переживал. Которому я обязан жизнью, и не только потому, что на четверть состою из его генов. Когда я в трёхлетнем возрасте сорвался в Крыму с мостков в море, он нырнул и достал меня с глубины, откачал... Умный, убежденный, нестигаемый, организованный, начитанный, знающий все и обо всем – о таком деде можно было только мечтать.

В зрелые годы я смотрел на деда не просто как на родного человека, но и как на крупную фигуру в большой истории, которую вряд ли можно оценивать житейскими мерками, современными представлениями. Я не считаю все им сделанное и сказанное правильным. Но, право, не я ему судья. «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие»,¹ – писал Пушкин, прадед которого был сподвижником Петра I, человека, вызывавшего в XIX веке не меньше вопросов, нежели сейчас Ленин или Сталин — начальники Молотова.

Году в 1975-м возникла у нас с отцом – Алексеем Дмитриевичем Никоновым, тоже доктором наук — идея подвигнуть деда надиктовывать его воспоминания на магнитофон. Уламывали мы его долго, приводя все мыслимые аргументы. Наконец он согласился. Напряглись и купили чудо отечественного электронного машиностроения – кассетный магнитофон «Весна». Привезли деду на дачу в подмосковную Жуковку, поставили перед ним микрофон. Он довольно бодро, хотя и заметно волнуясь, минут пятнадцать рассказывал о том, как Ленин в 1919 году приезжал на вокзал, чтобы проводить Надежду Крупскую, вместе с Молотовым отбывавшую в Нижний Новгород, где их ждал агитпароход «Красная заря», которым командовал дед. Это рассказ оказался не только первым, но и последним. Магнитофон остался пылиться в его маленьком кабинете, который был одновременно и спальней.

Это была инициатива Ленина. После того, как войска чехословаков и Колчака были отброшены за Волгу и за Урал, в очищенных территориях устанавливалась большевистская власть. Было решено назначить уполномоченного РКП(б) и ВНИК по работе в Поволжье, который должен был

на корабле пройти по Волге и Каме, агитируя там за советские порядки, а где надо – утверждать их. Таким уполномоченным и политкомиссаром агитпарохода «Красная Звезда» и был назначен Молотов.

Пока пароход, в дореволюционном девичестве носивший название «Антон Чехов» и предназначенный для волжских прогулок царской семьи, готовился в путь в одном из нижегородских затонов, Молотов отъезжал в Киев. Там под украинским солнцем он намеревался немного прийти в себя после болезни. Остановившись у своего товарища по Политеху и «Правде» Лебедева, с помощью почты и телеграфа подбирал кадры для агитпарохода, решал вопросы материально-технического снабжения.

Ленин проявлял настолько большую заинтересованность в успехе экспедиции, что решил делегировать на Волгу самое дорогое – собственную супругу, которая стала представителем наркомата просвещения на пароходе. Правда, есть мнение, что, на самом деле, сама Крупская решила на время сбежать от мужа.² Остальной агитсостав Молотов формировал сам с помощью наркоматов, каждый из которых делегировал своих представителей. При подготовке и проведении экспедиции Молотов проявил фантастический педантизм. Он лично написал (сохранившиеся в архиве) детальнейшие инструкции всем участникам процесса: самому себе, коменданту, помощнику коменданта, заведующим пароходно-технической частью, книжным складом, хозяйством, информационно-справочным столом. Кроме того, были специальные инструкции по внутреннему распорядку и по счетоводству. С каждым из будущих коллег, включая краснофлотцев и охрану, Молотов проводил собеседования и инструктаж.

Вечером 27 июня отъезжали. «Батрак» оставил зарисовку. «На Курском вокзале, обычная в годы гражданской войны, происходила суматоха. Шумели и толкались с винтовками за плечами красноармейцы, лезли напролом мешочники, носильщиков почти не было. Поэтому отъезжавшие на пароходе во главе с тов. Молотовым сами таскали и грузили свои вещи. За суматохой даже не заметили, как на перроне появился Владимир Ильич. Его первая заметила Надежда Константиновна. Подошла к нему, и стали разговаривать. Ильич с улыбкой поглядывал на хлопотню у вагона отъезжавших москвичей. Вскоре и посторонняя публика заметила Владимира Ильича. Среди нее начался шепот, потом вполголоса, наконец, вокруг Владимира Ильича образовался полукруг из посторонней публики. В это время к Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне подошел тов. Молотов, поздоровался с Ильичем и вступил с ним в беседу. Публика с жадным любопытством всматривалась в трех необычных на вокзале собеседников.

Наконец, колокол ударил к отходу поезда. Стали подходить прощаться с Владимиром Ильичем. Ильич не говорил: «Будьте счастливы» или «счастливого пути». Нет, он пожимал довольно крепко руку и бросал, улыбаясь: «Работайте лучше. Помните – хлеб – Москве».³

Без всякой просьбы со стороны Молотова Ленин достал блокнот с бланками председателя Совнаркома и от руки выписал ему Удостоверение. «Податель сего – лично мне известный старый партийный работник тов. Молотов, уполномоченный ВЦИК на литературно-инструкторском пароходе «Красная Звезда». Прошу все власти и учреждения оказывать ему всяческое содействие, и по возможности не передавать военные сообщения, давать ему прямой провод. Пр. СНК. Ульянов (Ленин)».⁴ К вечеру следующего дня добрались до Нижнего. Крупская пишет в дневнике: «Водворились, наконец, на «Красной Звезде» (бывший «Антон Чехов»). Рядом стоит баржа, окрашенная в ярко-красный цвет и украшенная рисунками. Эта баржа пойдет с нами: на ней будет кинематограф, книжный склад и магазин, электрическая выставка. «На «Красной звезде» – радио и типография, в пути будет выходить газета. В Доскинском

затоне, где стоит наш пароход, тучи комаров, но местность прекрасная. Ока, гористый, покрытый лесом берег». ⁵ Политком Молотов обосновался в двухместной каюте № 1, полагаю – царской. Инструктор наркомпроса Крупская – в одноместной № 7

Естественно, на месте выяснилось, что к отплытию готово далеко не все, и несколько дней придется еще пробыть в городе. Гостеприимным хозяином выступал 26-летний председатель Нижегородского губкома и губисполкома Лазарь Каганович, с которым Молотов тогда впервые познакомился.

Маршрут «Красной звезды» намечался такой: сначала по Волге до Казани, потом – вверх по Каме, насколько это позволят навигация и военные действия, а осенью вернуться и спуститься вниз по Волге вплоть до линии фронта. Отчалили 6 июля. Плыли ночью, а днем останавливались на очередной пристани, будь то город, село, завод или посад. Поскольку для посещаемых мест, особенно небольших, не избалованных развлечениями, агитпароход был совершенной экзотикой, аншлаг был обеспечен. На пароходе и, особенно, на прицепленной за ним барже, где показывали кино и продавали книжки, перебивали чуть ли не все жители посещавшихся мест. Везде митинги, беседы, обязательные встречи с местным начальством, ревизии и инструктаж в госорганах. Как вспоминала Крупская, «перед каждой остановкой т. Молотов собирал нас, работников «Красной звезды» и мы тщательно обсуждали план выступлений, план той организационной работы, которую надо провести. Потом собирались после остановки и подводили итоги. Такая организация работы давала очень много». ⁶

Митинги повсюду проходили на удивление мирно. Да, люди были недовольны ценами и спекуляцией. Привилегиями совслужащих, которые «в столовой едят, да еще к себе ведрами носят щи да кашу, да еще всякое в узелках» (Сормово). Запретами на кустарные промыслы, изготовление бус или даже на производство рыболовных крючков, чтобы не снимать металл у фабрик и заводов (Васильевсурск). В одном городе на Каме крестьяне подали протест с сотнями подписей против такого нововведения, как детские сады: в них видели средство забрать детей из семей, чтобы записать в солдаты. Важнейшую причину позитивного отношения к агитаторам из центра Крупская видела в том, что они были не так плохи по контрасту с прошедшими по тем краям белыми. ⁷

Пароход «Красная звезда», как и любой коллектив, жил не только работой. Были развлечения, приключения, интриги, казусы и житейские неурядицы. Наиболее серьезной проблемой, полагаю, было присутствие на борту Надежды Константиновны. Она постоянно болела. «У меня от постоянных выступлений взбесилось сердце, ноги распухли и покрылись экземой, приходилось отлеживаться». ⁸ От политкома парохода требовалось немало усилий, чтобы обеспечить необходимый медицинский уход, и нервной энергии, чтобы нести персональную ответственность за жизнь и здоровье жены главы правительства. Если цель ее путешествия на Волгу заключалась в том, чтобы заставить Ленина обратить на себя большее внимание, то замысел явно удался. Он вдруг проявил к своей жене большой интерес, засыпал ее посланиями, а начальника корабля — вопросами. Крестинский, возвращавшийся в Москву через Пермь, увез Надежду Константиновну в столицу.

Очевидно, что контакт с семьей вождя сыграл роль в последующем карьерном росте Молотова. «Мне эта поездка дала страшно много, – писала Крупская. – После поездки мне было что рассказать Ильичу, и с каким громадным интересом он слушал, как он не оставлял без внимания ни одной мелочи». ⁹ Молотов говорил, что Ленин высоко оценил результаты его корабельных трудов.

Из Камы, а затем вниз по Волге быстро дошли почти до прифронтовой полосы, за которой начинался Царицынский фронт. Уже слышен был гул орудий, время от времени показывались военные самолеты. На случай нападения белогвардейцев на палубе по бортам парохода были положены мешки и установлены пулеметы. До Царицына, который планировался в качестве завершающего пункта агитплавания, так и не дошли. Там еще располагались войска Деникина. Пароход двинулся обратно вверх по Волге. В описании маршрута заключительного этапа плавания возле названия каждого населенного пункта стоит примечание: «Продовольственная остановка». Было решено погрузить на баржу – для Москвы – около пяти тысяч пудов хлеба. «Батрак» не оставил без внимания героический трудовой порыв, которым были охвачены пассажиры «Красной звезды»: «Тов. Молотов шутя сказал:

– Мало иметь только широкую спину. Надо еще иметь силу, ловкость и выдержку, – и принялся за работу.

Он таскал по два мешка на спине весом около девяти пудов, соперничая с лучшими силачами. Переносили мешки по узенькому трапу и крутой лесенке в трюм. Это был настоящий коммунистический субботник.¹⁰ Были развлечения и иного рода. Так, Молотов неизменно побеждал в корабельных соревнованиях по плаванию на противоположный берег.

Агитпароход «Красная Звезда» завершил свою миссию, встав на якорь в Нижнем Новгороде, 20 октября 1919 года. Молотов, как водится, подготовил подробный отчет о проделанной работе. Пароход совершил 63 остановки, его актив работал в 95 населенных пунктах, где обследовал 75 советских организаций и 71 партийную. Содержательные выводы Молотов записывал на отдельные листочки, на которых стояла пометка «Для центра». Подход Молотова технократичен. Проблемы – в отсутствии инструкций из центра, системы связи с местами, слабости учета и контроля, организационной неразберихе. Такой взгляд во многом отражал его управленческий стиль – деполитизированный, нацеленный на решение поставленных партией задач через оптимизацию работы аппарата. Впрочем, советский и партийный аппарат еще предстояло создать. Этим Молотов займется чуть позже на посту секретаря ЦК.

А осенью 1919 в ЦК решили, что Молотову следует остаться в Нижнем Новгороде в качестве председателя губисполкома и члена бюро губкома РКП(б), чтобы сменить Кагановича, откомандированного руководить в Воронеж. Молотов занял новый пост в один из критических для большевистской власти моментов. В ноябре Добровольческая армия Деникина, двигаясь на север, заняла Орел и вступила в Тульскую губернию. На Северо-Западе вновь активизировался Юденич. В Нижнем было не так голодно, как в Петрограде, но тоже тяжело. Промышленное производство в Нижегородской губернии упало до 15% от уровня 1913 года, и почти все предприятия работали на оборону. Посевные площади сократились. Шли массовые партийные мобилизации и вербовка добровольцев на фронт.¹¹

В Нижнем Новгороде выделили апартаменты – комнату с прихожей. Как рассказывал его большой друг с того времени – писатель Сергей Малашкин, – комнату отмечало отсутствие какой-либо мебели, кроме кровати. Губисполком размещался в Кремле, в бывшей резиденции губернатора, переименованной в Дворец Свободы. Нельзя сказать, что местное начальство встретило Молотова с распростертыми объятиями. Скорее, наоборот. Через год он поделится своими ощущениями с Анастасом Микояном, который поедет сменять его в Нижнем: «Там крупная партийная организация, в основном состоящая из рабочих. Почти все члены губкома – дореволюционные коммунисты, тоже из рабочих. Но обстановка сложная, резко проявляются местнические настроения: ра-

ботников из других губерний принимать не желают. Среди партийцев немало случаев морального разложения, злоупотребления спиртными напитками, несмотря на «сухой закон». ¹² Еще более откровенен «Батрак»: «Собутыльничество, кумовство были в полном ходу. Понятно, как должны были встретить тов. Молотова, человека свободного от местных традиций. Сперва к нему присматривались в надежде, что он превратится в «своего человека». Когда почувствовали с первых же шагов его работы, что это напрасные надежды, началась глухая упорная борьба». ¹³

В таких «товарищеских» условиях Молотов приступил к работе. Его набросок к первому отчету о работе губисполкома дает некоторое представление об основных приоритетах. «Первые месяцы проходили под знаком усиления белогвардейского наступления на Советскую Россию; в Нижегородской губернии усилились дезертирство и бандитизм – в результате введено было военное положение; контрреволюция не могла укрепиться в Нижнем. Организационные задачи, стоявшие перед губкомом – перевод советских учреждений на боевую ногу: сокращение коллегиальности, штатов, усиление ответственности, работа в сроки. Практические задачи: продовольствие, топливо, эпидемии, разгрузки, трудовые повинности». ¹⁴

Основные принципы организации советской работы Молотов изложил в докладе на VIII губернской партконференции 17 января 1920 года. Опираясь на решения VII Всероссийского съезда Советов, который определил, что советский строй проводит волю трудящихся, постепенно вовлекая население в работу по управлению государством через их участие в формировании и работе Советов, Молотов доказывал, что в перспективе это должно привести к уничтожению самой государственной машины с ее чиновничеством. Пока же требовалось единство в работе всех советских органов, для чего все советы – сельские или рабочие фабрично-заводские – были подчинены единому центру. По докладу Молотова было принято им же написанное постановление: «Ввести боевую систему работы во всех сов. отделах, применяя ее, как для быстроты принятия решений, так и для быстроты и точности проведения в жизнь, вводя вместе с тем принцип строгой ответственности за выполнение порученного дела по отношению ко всем советским работникам. Проводить в жизнь во всех практических органах советов сокращение коллегиальности». ¹⁵

Изъятие зерна по продразверстке было осуществлено в еще больших масштабах, чем это удалось сделать продотрядам. Молотов писал: «Прошедшие месяцы хлебной кампании дали больше, чем вся прошлая хлебная кампания в целом, чтобы уяснить рост требований к земледельческому населению за это время. К тому же порядок авансовой разверстки по десятинам затронул не только вполне обеспеченные хлебом слои, но и тех, кому в будущем продовольственные органы сами должны будут оказать продовольственную помощь». ¹⁶

Тяжелым бременем на население, в первую голову – тех же крестьян, ложились и повинности, связанные с заготовкой топлива. «Мы перешли в силу необходимости к широкому применению трудовой и гужевой повинности. В местах заготовок и перевозок дров, что захватывает большинство уездов Нижегородской губернии, требование на рабочую силу и перевозочные средства могли быть удовлетворены только в порядке повинности. Сезонность работы не давала отсрочки». ¹⁷ Трудовая и иные повинности широко применялись и для разгрузки судов.

К концу зимы ситуация для большевиков, как казалось, сталаправляться. Западные страны, опасаясь разложения собственных войск от большевистской пропаганды, начали эвакуировать свои части. В феврале 1920 года Колчак был расстрелян иркутским ревкомом, чехос-

ловаки потянулись из Владивостока на родину. Оставалось справиться с японцами и остатками белой гвардии, отступившей в Крым. 22 февраля на губернской беспартийной конференции Молотов констатировал:

– Успехи, достигнутые Красной Армией, сводятся к полному уничтожению армии Юденича; на юге не только овладели побережьем Азовского моря, но занимается северный берег Черного моря; на восточном фронте наши войска вошли в Иркутскую область и от разбегающейся армии Колчака остаются огромные груды трупов.¹⁸

В связи с военными успехами на повестку дня были поставлены вопросы перевода губернии на мирные рельсы. Появилось время (и необходимость) для более частых поездок в столицу. Предлогом для начала регулярных встреч с Лениным стала его просьба помочь жившему в Нижнем родственнику управляющего делами Совнаркома Бонч-Бруевича в организации опытов и исследований в области радиотехники. Пригласил заходить, поговорить о делах. Встречи проходили в квартире Ленина в Кремле. Гоняли чай. Беседовали и на производственные темы, и на общеполитические. Весной 1920 года Ленина волновали дискуссии, развернувшиеся в преддверии IX съезда партии по вопросам о роли профсоюзов и об экономической политике.

Тон в профсоюзной дискуссии задавал Шляпников (он теперь возглавлял союз металлистов), доказывавший, что управлять производством должны отраслевые профсоюзы. Ленин подчеркивал их политико-воспитательное значение («школа коммунизма»). Молотов на экстренной губернской конференции обеспечил принятие согласованной с председателем СНК резолюции: «Коммунистическая партия ставит своей целью полное руководство работой профессиональных союзов, без мелочного вмешательства в повседневную практику союзов, осуществляя через партийные фракции союзов, превращение союзов в практические школы коммунизма для самых широких масс пролетариата и полупролетариата...».¹⁹

С этой платформой Молотов и отправился в Москву на IX съезд, открывшийся в конце марта в Большом театре. Там он спорил о профсоюзах с Бухариным, Томским и Рязановым. Последний заявил, что Молотов стоит на позиции хозяйственников, у которых профсоюзы просто путаются в ногах вместо того, чтобы тихо вести воспитательную работу. После бурной и бестолковой дискуссии линия ЦК одержала ожидаемую победу.²⁰

Другим острым вопросом стала экономическая политика, доклад о которой делал Троцкий, доводя до апогея политику «военного коммунизма». Массовые мобилизации по трудовой повинности должны были «идти по тому же пути, по которому мы шли в создании Красной армии».²¹

Съезд закончил работу избранием ЦК из 19 человек, а также 12 кандидатов в члены ЦК, в числе которых оказался и Молотов. Вернувшись в Нижний, он поделился своими мыслями о съезде с местными читателями:

– Все надежды врагов Коммунистической партии на раскол в ее рядах оказались еще раз ложными.²²

Примечательно, однако, что Молотов занялся не милитаризацией производства и созданием трудармий, а организацией сельхозотдела в исполкоме и коммунистических субботников в губернии. В апреле он написал «Задачи коммунистов в деревне», где ставка делалась на середняка и «культурничество»: «Работа на земле, пользование сельскохозяйственными орудиями, сбор урожая – везде нужно вносить примеры хорошего практического дела. Постановка школы, устройство избы-читальни, чтения, беседы нужно сделать близким делом всем труженикам в деревне. Налаживание лечебного дела, помощь семьям красноармей-

цев, выдача пайка, распределение товаров и так далее – много практического дела для общих усилий, для нужной работы... По-прежнему сурово бороться с кулаками и спекулянтами в деревне должен каждый коммунист. Еще больше сил и внимания к деревенскому пролетарию. В нем сила нового в деревне. Середняк-крестьянин тоже пойдет за коммунистом, если и словом и делом, примером и практикой мы добьемся успехов в деревенском строительстве».²³

Проведение субботника 1 мая по всей стране было предусмотрено решением IX съезда РКП(б). Молотов явно решил отличиться, лично возглавив его губернский оргкомитет и предложив провести его не в один, а в два выходных дня. Если в Петрограде на субботник вышло 165 тысяч человек, в Москве – 425 тысяч, то в Нижегородской губернии за два дня – 591 тысяча – больше, чем где бы то ни было. «Гуляющих, праздношатающихся на улицах не было. Все действительно были на работах. Любопытнейшее явление! – писал Молотов. – В рабочих районах, например, на улицах Канавина мне приходилось при проездах там и тут наблюдать, как усердно пылил, мел и убирал мусор рядовой обыватель из рабочих квартир. Женщины, дети, да и взрослые мужчины, почему-либо не попавшие в число участников субботника, без палки, без принуждения стояли в пыли на улицах, с метлой или лопатой в руках и тоже по-своему участвовали в субботнике».²⁴ Опыт организации субботника так понравился («мы организовали – и сравнительно недурно – крупнейшее дело, так как встряхнулись в эти дни не на шутку»),²⁵ что Молотов решил его пропагандировать в масштабе всей страны, выпустив специальный «Первомайский сборник» под собственной редакцией. Один экземпляр он надписал Ленину: «Дорогому учителю и вождю пролетариата В.И. Ленину-Ульянову от В. Молотова. 10/VI 1920 года». Полагаю, до адресата брошюра не дошла. Иначе она вряд ли лежала бы сейчас передо мной на столе.

Летом 1920 года планы перевода страны на мирные рельсы вновь оказались под большим вопросом: возобновились широкомасштабные военные действия – против врангелевских вооруженных сил Юга России и против Польши. Глава вновь образованной Польской республики Юзеф Пилсудский, отправленный в ссылку по тому же делу о покушении на императора Александра III, по которому брат Ленина был казнен, лично возглавил войско, которое прошло парадом по киевскому Крещатику. Захват Киева и Минска поляками сплотил всю страну в поддержку Кремля. По всей стране опять пошли боевые и трудовые мобилизации.

Нижегородцы бросали на фронт все новые отряды добровольцев. Завод «Красное Сормово» по заданию из Москвы срочно освоил выпуск первых в стране танков, копировавших легкие французские танки «Рено». О новых задачах губернской власти Молотов говорил на заседании «широкого пленума» губкома:

– Центр тяжести работы, приблизительно с полгода находившейся в области нашего трудового фронта, в области напряженнейшей борьбы с хозяйственной разрухой, вновь переносится в область военной, непосредственной борьбы с империалистическим миром.²⁶

В июле VI губернский съезд Советов, прошедший под председательством Молотова, постановил 5% своего состава мобилизовать на фронт. Сконцентрировав все основные силы против поляков, советское правительство переломило ситуацию на Западном фронте в свою пользу, освободив Украину и Белоруссию.

До середины лета 1920 года Молотов не собирался уезжать из Нижнего. Ему нравилось на Волге. «Время было довольно горячее. И трудно было при таких условиях рассчитывать на нормальный отпуск. Поэтому в летнее время тов. Молотов уезжал только вечерами после работы или в выходные дни на Башкировскую дачу «Зименки», в которой был ор-

ганизован санаторий, километров за пятнадцать вверх по Волге. Дача стояла на правом берегу Волги, и ездить приходилось по реке на моторной лодке. Освободившись от забот, он становился резв и неистощим на каламбуры, шутки и песни. Во время отдыха запрещал говорить о делах и прибавлял при этом:

– Кто не умеет отдыхать, тот не умеет работать.

Он очень любил Волгу и вообще природу. В свободное время во время отдыха любил бродить один или с компанией товарищей по лесу, аукаться и переключаться, бродить по окрестностям, внимательно присматриваясь ко всему, что делалось вокруг».

Но на проходившей 15-17 июля X губернской партконференции произошел скандал. «Большинство оказалось на стороне старого губкома, написано в его неопубликованной биографии. – Молотов, чувствуя свою правоту, решил не сдаваться. На закрытом заседании конференции, когда обсуждались кандидатуры в новый состав губкома, он решил дать бой по каждой кандидатуре в отдельности. Хорошо знакомый с художественной литературой, Молотов воспользовался этим и дал целому ряду ответственных работников литературные характеристики, заклеив их кличками героев Гоголя, Чехова и других писателей. Старое руководство пришло в бешенство».²⁷ Молотов, выступив девятнадцать раз с критикой бюро губкома, обвинив лично секретаря губкома Кузнецова и членов бюро в обывательской беспринципности, обломовщине, пьянстве, насаждении местнической линии, в провинциальной узости. Резолюция конференции выносила порицание Молотову за «отсутствие надлежащего такта и фактическую беспочвенность обвинений и совершенно недопустимую демагогию».²⁸

Нижегородский скандал разбирался секретариатом ЦК. В результате Кузнецова отправили в Николаев (и он исчез с политической арены), а Молотова – в Донбасс, столица которого была в Луганске, где он совмещал с 1 сентября партийный пост с советским.

¹ Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. – Т. VI. – М., 1981. – С. 41.

² Сервис Р. Ленин. Минск, 2002. С. 458, 457

³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1633. Л. 219-220.

⁴ Там же. Д. 8. Л. 16.

⁵ Крупская Н.К. Педагогические сочинения. Т. 11. М., 1963. С. 731.

⁶ Крупская Н.К. Педагогические сочинения. Т. 1. М., 1957. С. 59.

⁷ Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. М., 1957. С. 427.

⁸ Крупская Н.К. Педагогические сочинения. Т. 1. С. 65.

⁹ Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. С. 424.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1633. Л. 227-228.

¹¹ Добротвор Н. История города Горького. Горький, 1947. С. 127, 124.

¹² Микоян А.И. Так было: Размышления о минувшем. М., 1999. С. 169.

¹³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1633. Л. 232.

¹⁴ Там же. Д. 235. Л. 8

¹⁵ Там же. Д. 1636. Л. 8-11.

¹⁶ Нижегородская коммуна. 1920. 25 января.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1482. Л. 10-11.

¹⁸ Нижегородская коммуна. 1920. 22 февраля.

¹⁹ Нижегородская коммуна. 1920. 26 марта.

²⁰ Протоколы девятого съезда РКП(б). Март-апрель 1920. М., 1934. С. 251 – 252.

²¹ Там же. С. 107,436,428.

²² Нижегородская коммуна. 1920. 18 апреля.

²³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1482. Л. 13-17.

²⁴ Первомайский сборник: Посвящается массовым субботникам / Под ред. В. Молотова. Н.Н., 1920. С. 13.

²⁵ Там же. С. 19.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1637. Л. 405-407.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1633. Л. 241- 244.

²⁸ Там же. Д. 235. Л. 10.